

Марк Миллз

Марк Миллз

в ожидании
ДОГГО

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
М60

Серия «Кошки, собаки и их хозяева»

Mark Mills
WAITING FOR DOGGO

Перевод с английского *А. А. Соколова*
Компьютерный дизайн *А. И. Орловой*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Gernert Company, Inc. и Andrew Numberg.

Миллз, Марк.

М60 В ожидании Догго : роман / Марк Миллз ; [пер. с англ. А. А. Соколова]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 224 с. — (Кошки, собаки и их хозяева).

ISBN 978-5-17-079129-3

Сотруднику рекламного агентства Дэниелу не повезло. Подруга, с которой он прожил четыре года, неожиданно бросила его, оставив «на память» щенка Догго. И теперь каждое утро песик вместе с хозяином отправляется на работу. Чтобы он целый день не валялся на диване, его делают «почтальоном» — и Догго бегают по кабинетам с корреспонденцией в зубах.

Но дружелюбная и веселая атмосфера в коллективе мгновенно меняется, когда Дэниел выигрывает творческий конкурс. Как пережить зависть и раздражение коллег, интриги и козни бывших приятелей? И Дэниел понимает: мудрости, терпению и любви нужно учиться у собаки — настоящего друга, который никогда не предаст.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Mark Mills, 2014
© Перевод. А. А. Соколов, 2015

ISBN 978-5-17-079129-3

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Пой, будто тебя никто не слышит,
Люби, будто тебе никогда не делали больно,
Танцуй, будто тебя никто не видит,
Живи, будто небеса на земле.

Марк Твен

Глава первая

«Дорогой Дэниел!

Господи, как же получилось официально. Я так не хотела. Или хотела? Как во многом другом, я в этом неуверена (или надо писать «не уверена», ты бы, разумеется, не сомневался). Черт! Я бы начала письмо снова, но уж и так делала это три раза, к тому же опаздываю на самолет.

Улетаю, и очень далеко, но не могу тебе сказать куда. Отчасти хочу, но в этом нет никакого смысла, поскольку не знаю, сколько там пробуду. Впрочем, лучше как есть. Чушь, конечно. Я хочу сказать, что это для меня лучше как есть. Но не для тебя, хотя знаю, что ты справишься, потому что ты сильный, практичный и немного черствый.

Вскоре пообщаемся подольше, когда у меня появится настроение, которого теперь, как ты понимаешь, нет, иначе бы я не улепетывала в астрал! (Шутка: не потеряла ведь чувства юмора, как ты заявил недавно.) Ладно, согласна, в сложившихся обстоятельствах не смешно. Так и вижу, как ты стоишь у стола и читаешь эти строки. Извини, дорогой Дэниел. Я трусиха. Хоть это-то выяснила про себя. К тому же переживаю из-за своего любимого Догго — виню одну себя. Чего

я только не передумала. А о чем, собственно, я думала? Что Догго все изменит, даже исцелит нас. Тебе не понравится это слово, поскольку ты терпеть не можешь, когда я говорю о путешествиях, энергиях и — да, да — об ангелах.

Но суть в том, что я действительно в них верю. А ты нет. Не в этом ли дело? Не исключено. Я привыкла любить твою вежливую терпимость и скептическую улыбку, но теперь меня от нее воротит. Она кажется циничной и высокомерной, словно у тебя имеются ответы на все вопросы. А разве они есть? Их нет ни у кого. И это тебе пора понять, как я поняла, что трусиха. Наверное, я могу находиться рядом только с таким мужчиной, который верит в ангелов. Не беспокойся, это не означает, что я свалила с Брендонном. Он — придурок. Я безоговорочно ставлю тебя выше него. Если хочешь, считай это комплиментом. Нет, я уезжаю одна, руководствуясь своей интуицией. Сама по себе, и рядом никого, только я и тот, кого ты в шутку прозвал Тем, которого нельзя называть по имени. Знаю, ты считаешь его плодом моего болезненного воображения, но верю, что он здесь, присматривает за мной, и ты не станешь отрицать, что это чувство реальное (даже если ты прав насчет ангелов, хотя это совершенно не так).

Отведи Догго обратно. Интуиция подсказывает мне, что ты получишь ту работу — нельзя же оставлять его на целый день запертым в квартире. Это было бы нечестно по отношению к нему, а вы ведь и так не без ума друг от друга. Догго сейчас рядом и пожирает тебя своим взглядом? Клянусь, когда собирала чемодан, он смотрел на меня с таким презрением, словно

понимал, что я задумала. Разумеется, это не так — он просто маленькая, страшненькая собачка. Ладно, не такая уж страшненькая, но ты понимаешь, что я хочу сказать: особой красотой бедолага не отягощен. Когда я впервые увидела Догго, мне стало его жаль. Зря я впуталась в его жизнь. Но он, по крайней мере, сменил обстановку, побывав, хоть недолго, в отпуске. Я бы сама отвезла его обратно, но нет времени. Видишь ли, я не планировала бегства — накатило внезапно: поняла, как надо поступить, и начала действовать.

Может, я совершаю самую большую в жизни ошибку? Вряд ли. Мы подошли к черте, где собирались принять решение, которое было бы для нас неправильным — определенно неправильным для меня, но и для тебя, наверное, тоже. Не злись на меня, Дэниел. Ты, конечно, почувствуешь себя униженным, но могло получиться хуже. Я сбегаю от тебя не от алтаря, к тому же все назовут меня стервой, и от этого тебе будет легче. Пожалуйста, не пытайся разыскать меня и не звони. Это бессмысленно: когда ты станешь это читать, я уже буду в воздухе.

Любви тебе и света.

Клара XXXXXXXXXX

P. S. Перечитала письмо и поняла, что выразилась недостаточно ясно. Между нами все кончено, по крайней мере на данный момент, что означает навсегда, хотя как знать. Никогда не говори никогда — ведь так? Мне нужно почувствовать себя открытой другим возможностям (ладно, признаю, я говорю о других мужчинах). Не могу тебе запретить делать все, что пожелаешь, но если переспишь с Полли, я тебя убью. Она молода, беззащитна и благоговейт

перед тобой. Полли — моя младшая сестренка, поэтому, как говорят итальянцы, non toccare* (сразу вспомнился сувенирный магазин в Луке, где ты купил мне жуткую китайскую статуэтку Девы Марии, решив, что она похожа на моего отца, переодетого в женское платье)».

Я осторожно положил письмо на стол. Черствый? Неужели? Циничный и высокомерный? Никогда не считал себя лучше ее. Это была наша маленькая игра, и мы сами придумали правила. Астрология, прошлые жизни, ангелы-хранители — чего бы ни касалось, энтузиасткой выступала Клара, а я охлаждал ее пыл. Мы согласились, что отличаемся друг от друга, и посмеивались над этим, понимая: то, что имеем, больше всего остального. А имели мы любовь. И в этом были едины. Как же она может ломать правила и после четырех лет бросаться в самолет и исчезать?! Это же и моя жизнь!

Я хотел разозлиться, но не получалось. Уязвленный выдвинутыми против меня обвинениями, я был ошеломлен подкрадывающимся леденящим чувством, что сам виноват по всем пунктам.

Посмотрел под ноги. Прежде Догго был там, а теперь лежал на диване. Знал ведь, что ему нельзя прыгать на диван, но его, похоже, не волновала моя реакция. Положил морду на лапы и уставился в окно, словно проплывающие по небу облака являлись ключом к метафизической головоломке, над которой он теперь бился.

— Догго!

* Не трогай (ит.). — Здесь и далее примеч. пер.

Он даже не повернулся, но ведь на эту кличку пес вообще никогда не откликался — возможно, понимал, что она ненастоящая; просто мы его так зовем, пока не придумали, как назвать лучше.

Перепробовали все, даже просмотрели сайты детских имен, но не нашли ничего подходящего. Вдруг показалось, что можно назвать его Евстафием, но этот вариант не продержался и дня. Согласно «Википедии», святой Евстафий был римским полководцем и после обращения в христианство претерпел злоеший список мучений и бед, среди них — сожжение заживо вместе с сыновьями в бронзовой статуе быка. Надо отдать должное императору Адриану: он не только знал толк в строительстве и возвел Адрианов вал, но обладал мрачным воображением, когда хотел расправиться с врагами. Как мне известно, святой Евстафий — покровитель пожарных (которые так и не потушили огонь, поджаривший его самого) и в более широком смысле — всех, кто познал несчастья.

— Евстафий! — позвал я. — У меня несчастье.

Пес навострил ухо, только одно, левое, да и то это было не больше чем подергиванием. И не оторвал взгляда от несущихся мимо облаков.

Я вытащил из кармана мобильник. Ее номер был внесен в память, потому что в апреле мы общались с ней, когда готовили сюрприз на день рождения Клары. Она работала координатором компании детских развлечений и, казалось, значительную часть времени проводила, сплавляясь на плотках по рекам в Уэльсе. Поскольку были школьные каникулы, я собирался оставить сообщение.

Она ответила после четвертого гудка:

— Дэниел...

Одно слово, но оно несло в себе заманчивую смесь удовольствия, удивления и предвкушения.

— Привет, Полли! — Догго снова дернул ухом, на сей раз правым. — Как дела?

Пусть Клара пеняет на себя, решил я, и почти сам в это поверил. Подобная мысль никогда не пришла бы мне в голову, если бы она сама ее не подбросила.

— Отлично, — прощebetала Полли. — Уработалась, как собака.

Я покосился на Догго. Пес развалился на диване, почти с ним сроднившись, и я подумал: откуда взялось такое выражение?

Глава вторая

Я спросил, когда мы уже поднялись в салон:

— С собаками можно?

— На усмотрение водителя, приятель.

А водителей теперь огораживают для их собственной безопасности. И ему, чтобы рассмотреть стоявшего на полу Догго, пришлось прижаться носом к плексиглазу.

— Господи, — пробормотал он. Вид пса явно не произвел на него впечатления. — Посадите к себе на колени, да и все.

— Не могу. Он меня тяпнет, если я попытаюсь поднять его.

— Такой злобный? Опасен для здоровья людей?

— Нет, нет, никакой опасности, — жалобно протянул я. А что я еще мог сказать? Знал же: Догго непре-

менно укусит меня, если решусь посадить его к себе на колени.

— Извини, приятель. Правила есть правила. Моя работа мне дороже.

Обычно я стал бы отстаивать свои права, даже закатил бы скандал. Но сегодня был не в настроении. Утром едва сумел сварить себе на завтрак яйцо.

— Справедливо. Извините, что потревожил. Удачного дня.

Я уже выходил из автобуса, когда водитель сказал:

— Вот если бы он был собакой-поводырем, собакой психиатрической помощи или собакой эпилептика...

— Нет, он не такой.

Шофер закатил глаза и произнес отдельно, как для совсем тупого:

— Данные виды собак получают разрешение на поездку в автобусе.

— Ах да, он собака эпилептика. — В подтверждение своих слов я похлопал себя ладонью по груди.

— Проблемы с сердцем в вашем-то возрасте? — усмехнулся водитель.

Он смеялся надо мной. Подмигнув, показал мне кивком, чтобы я занял место. И я, приложив транспортную карту к валидатору, поблагодарил его.

— Только уберите его с глаз долой. Мы ведь не хотим, чтобы он поранил кого-нибудь из пассажиров.

На сей раз шофер не шутил.

«Баттерсийский дом собак и кошек» был втиснут между старым газовым заводом и пустырем, окружающим давно заброшенную Баттерсийскую электростанцию. Трудно представить более жалкое место для

приюта никому не нужных животных. С двух сторон тесный треугольник ограничивали железнодорожные линии, с третьей — загруженная автомобильная дорога. С тех пор как меня занесло сюда несколько лет назад, приют подремонтировали (я редко оказываюсь к югу от реки; северо-запад Лондона — вот территория, где я обычно топчусь. Просто потому, что именно там впервые оказался в столице). Теперь дороге являл свое сверкающее лицо изогнутый стеклянный фасад здания. Крикливая архитектура казалась слегка неуместной, словно насмешка над ожиданиями родственников, которым адвокат зачитал завещание двоюродной бабушки Мейбл, и они узнали, что она им ни шиша не оставила. В отличие от Франции или Италии, где наследники пользуются определенными правами и могут рассчитывать на законную долю, в Англии вы вольны прокатить своих родных с того света, и в юридических баталиях верх часто берет благополучие животных.

Догго как будто не узнал этого места. Весело вошел внутрь, явно не замечая тьякья собак, приглушенного, но вполне различимого на фоне перестука колес поездов. Я объяснил свои трудности женщине за конторкой — такой же яркой и живой, как приемное отделение, в котором она проводила рабочее время. Она улыбалась, даже когда объясняла, что, прежде чем прийти, мне следовало заранее позвонить и назначить время приема. В милой улыбке Лоры (это имя было написано на ее бейджике) я уловил нечто хрупкое. Вспомнились сиделки в доме престарелых неподалеку от Брайтона, где доживает свои дни мой дед. Существуют ли на свете такие добрые люди? Или ста-

новятся сами собой, как только за вами закрываются двери заведения, и они начинают ругаться, как сапожники, и издеваться над несчастными подопечными?

Через десять минут мы с Догго оказались в другом, на сей раз унылом кабинете, где хозяйничала еще одна молодая оживленная женщина в форменной рубашке поло. Ее звали Бет. В задачу Бет входило искать животным новые дома, и она совершенно не обрадовалась перспективе опять пристраивать собаку, которую взяли всего три недели назад. Утешало одно: она человек, а не зверь. Бет была примерно моего возраста. Она внимательно слушала мой рассказ, подавшись вперед и облокотившись о стол.

Я давил на жалость: моя девушка хотела собаку и, не посоветовавшись, притащила домой пса. А потом, не предупредив, подхватила и слинула. У меня нет возможности, сокрушенно объяснял я, ухаживать за животным. Бет кивала, но я заметил, что она выискивала на моем лице признаки пороков, заставивших сбежать от меня несчастную Клару. Наверное, прикидывала: то ли я ее бил, то ли до смерти наскучил. Меня не интересовало, что она думала, только бы забрала назад Догго, чтобы я мог продолжать жить своей жизнью.

Я подал ей темно-желтый конверт, который оставила мне Клара. В нем хранились все официальные документы. Но Бет они не понадобились — все было зарегистрировано в компьютере. Догго она не знала, но обрадовалась, что станет оформлять повторное принятие пса в их заведение. Все это, на мой вкус, звучало уж слишком по-оруэлловски, но я в ответ лишь вежливо улыбнулся и поблагодарил Бет.